

Кинофестиваль

A black and white portrait of an elderly man with light-colored hair, looking directly at the camera with a serious expression. The background is a light, textured surface.

Юрий
НАЗАРОВ

Только
не о кино

Юрий Владимирович Назаров

Только не о кино

Серия «Кинофестиваль»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8015802
Только не о кино. / Назаров Ю.В.: Алгоритм; Москва; 2008
ISBN 978-5-9265-0339-2

Аннотация

Актер Юрий Назаров родом из Сибири. Это его гнездовье, где прошло военное и послевоенное детство – с заснеженными окнами и раскаленной докрасна печкой зимними вечерами, с настоящей мальчишеской дружбой и мечтами о мореходке. Однажды «футбольный бог» и премьер школьного драмкружка, в будущем замечательный писатель Виктор Лихоносов решит его судьбу раз и навсегда – только искусство, сцена! Вместе с другом поедут они в Москву поступать в театральное училище. Потом будут метания, стройка в Казахстане, возвращение к актерской профессии... И, наконец, кинематограф, где сыграно более полутора сотен ролей в фильмах «Непрошенная любовь» (по рассказу М.Шолохова «Чужая кровь»), «Кавказский пленник», «Горячий снег», «Последние залпы», «Андрей Рублев», «Зеркало», «Баллада о Беринге и его друзьях», «Давай поженимся», «Маленькая Вера», «Две судьбы»...

Урывками, в перерывах между съемками, вел он записи, поверяя душу слову. Так сложилась эта книга – о собственной судьбе в судьбе Родины, о людях и событиях, с которыми столкнула жизнь.

Содержание

«Все русское искусство – за людей!»	5
Что-то вроде предисловия	8
Но как же без любви?	22
Из моей жизни	22
Путешествие из Москвы в Заельцовку[4]	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юрий Владимирович Назаров Только не о кино

«Все русское искусство – за людей!»

Эти слова замечательного актера Юрия Назарова я вынес в заголовок нашего с ним диалога в книге «Созидающие», куда вошли беседы-откровения с сорока наиболее заметными людьми России, сохранившими свое лицо в гнилостную эпоху рыночной экономики и не поспешившими присягнуть на верность сначала горбачевскому, а потом и ельцинскому правлению.

В плеяде русских артистов-классиков я особо выделяю и высоко ценю творчество Юрия Назарова. Услышал о нем впервые на съемках «Андрея Рублева», где я работал консультантом. Так случилось, что, несмотря на тесный контакт со всеми почти участниками съемочной группы, Юру я увидел на фотопробах и отснятых начальных кинокадрах. Тарковский сказал тогда: «Савва, вот этот красавец будет играть сразу двух князей – старшего и младшего». – «Слушай, Ан-

дрей, потрясающе! У него лицо словно списано с икон XV века «Битва новгородцев с суздальцами» или «Молящиеся новгородцы». — «Ты знаешь, — продолжил Тарковский, — я с ним мало общался, но чувствую, что там такая мощь!» — «А сыграет достоверно, без актерской клюквы?» — «Нет, старик, клюквы не будет точно». Тогда при отборе актеров мы больше всего опасались «псевдятины» и внешнего прочтения роли.

На съемках «Рублева» мы с Юрой так и не сошлись близко, как, например, с Иваном Лапиковым, Михаилом Кононовым или Анатолием Солоницыным. Всю последующую историю отечественного кино без Назарова представить невозможно. Нет практически ни одного магистрального советского фильма, где бы он ни сыграл главную или эпизодическую роль. Причем назаровские эпизоды дорогого стоят. Юрий Назаров из гвардии Жженова, Гостюхина, Стриженова, Заманского, Михайлова — высоко чтящих достоинство и честь русского актера. Любую роль он старается сыграть филигранно — не важно, положительного или отрицательно-го героя он изображает. Чтобы создать столько разных образов, надо иметь богатый духовный опыт, а у Назарова он, безусловно, присутствует. Я рад, что в годы «катастрофы» близко сошелся с Юрой. Он не предал годами выношенных идеалов патриотизма и подлинной любви к России. В нашей беседе из цикла «Созидающие» Назаров говорит: «Все русское искусство, начиная со «Слова о полку Игореве» и еще

раньше, с «Поучения Владимира Мономаха» – все оно за громаду. Вся величайшая русская культура на этом стоит... За други своя, а не за собственную задницу. Сколько я знаю талантливейших людей, которые очень серьезно относились к самим себе и вредили этим общему делу! Так что сегодня надо все-таки за други своя. Вот вычитал дивные слова Сергия Радонежского: «Любовию и единением спасемся».

Да, дорогой Юрий Владимирович, только великая вера спасет русского человека. На ней держится твое творчество и искусство всех, кто противостоит разнузданному швыдковскому глобализму. А он хуже любого западного, ибо там люди, подобные тебе, не загнаны в угол и не презираемы так, как презирают российские «олигархи» и заправилы грязного шоу-бизнеса истинных служителей прекрасного в России.

Савва Ямицков

Что-то вроде предисловия

Быть может, в Лете не потонет...

А.С. Пушкин

На старости я сызнова живу...

А.С. Пушкин

*Кто даст мне крылья, чтобы настигнуть дни
мои прошедшие?..*

Б.В. Шергин

Затеял я писать эту «книгу» не вчера. Ну, может, не с первых записей заведенного еще в 7-м классе дневника – там писалось все-таки для себя еще. Но со временем, поскольку поиски, строительство себя, самовоспитание не замыкались только на себе, а постоянно искали своего места в общей жизни, с течением времени все отчетливей проявлялась мысль: поделиться, предложить свой опыт людям. А вдруг не такой уж он и пустой? Вдруг в нем что-то может оказаться и полезным людям? Да детям собственным хотя бы...

И прислал мне в 1977 году мой – школьный еще! – друг Лихоносов Виктор Иванович (член Союза писателей, лауреат Госпремии РСФСР и «вообще») «Книгу для черновой за-

писи шариковой ручкой» (тетрадью ее действительно не назовешь: страниц 300, а то и больше... Истинно – книга! И точно – только шариковой. Жидкие чернила расплывались). И написал на титульном листе: «Капище моего сердца – Ю. Назаровъ (так и написал: с «ером», с «ъ»!).

По В.И.Далю: «капище»– идолище, жрище, кумирня, вообще божница идолопоклонников; по С.И.Ожегову – просто языческий храм. При чем тут Ю. Назаровъ? Да и со своим сердцем? Ну да Бог с ним, с Лихоносовым, он – писатель, ему видней... Да и звучит ведь тоже: капище... А предпослал он это «капище» таким наставлением: «И благословили его не только друзья, но и сам Господь писать заметки о своей жизни – для детей своих и в назидание будущим поколениям». Во как! Благословили... В назидание!..

Но я, с вечными моими не то самостоятельностью, не то упрямством, а может, и поперечностью (как в сказке, та поперечная жена, которая, даже утопнув, поплыла не по течению, а против!) – я, конечно же, никаким «капищем» свои опыты именовать не собирался. Не надо нас подталкивать. Мы сами с усами. Конечно же, никакое не «капище»... При чем тут божница идолопоклонников?

А что же тогда?

Первые слова, написанные в этой «Книге для черновых записей» моей рукой: «Радость неразделенная»... Не подойдет?»– это я сам с собой по поводу будущего названия размышлял... Радости слишком много было. Переполюня! И

одно только горе: постоянно не было рядом того, с кем данной конкретной радостью надо, необходимо было поделиться. Не одинок был, нет, никогда, но вот рядом друг, а радость идет, которой необходимо поделиться с детьми, а их сейчас нет под рукой, а потом – наоборот и т. д. и т. п. Очень диалектическое название... С устремлением постоянным, решил я сам с собой тогда, где-то в районе конца 70-х.

По сусекам дневников и записных книжек

19 января 1961 (Минск, киноэкспедиция по картине «В трудный час», 24-й год мне, из неотправленного письма).

Позавчера, прибыв с рассветом на съемку и увидав дивный восход над малозаснеженной холмистой равниной, над кладбищенскими березами, увидав чудные розовые отблески восходящего солнца на заплесневевших нежной зеленью бревенчатых серых стенах старых амбаров, на зелено-голубой церкви, на березах – я хотел писать тебе... Писать обо всем: об этом рассвете, о счастье восприятия всем своим существом, каждой клеточкой, каждой жилочкой этого роскошного солнечного мира, о счастье, которое непосильно одному, которым нужно делиться и делиться с тем, кто может принять это счастье... Тысяча бесшабашных, чистых и искренних, нахально-обаятельных предложений к тебе рвались из меня...

А правда, очень много радости было: солнце – радость! Погода, природа, простор, снег, степь, ливень, гроза, зелень,

весна!.. А плавание? Лыжи?.. А лошади?! Это уже не просто радость, это – восторги, ликование! Неудержимое, неостановимое! Душа поет, жизнь – как на крыльях! Ветер в ушах свистит!.. А море!!

А Прага? Рим? Киев?.. А Дальний Восток! А Сеул?

А музыка? А поэзия? Живопись? Литература?.. Да опять всего не перечислишь, не переберешь... Как мы с Виктором (с ним же, с Лихоносовым) в молодости страницами друг другу из «Тихого Дона» шпарили! Наизусть! Взахлеб! Не уча специально. От восторга!

Всякое учение имеет то свойство, что оно гораздо легче внедряется в душу слушателя любимым наставником.

Франческо Петрарка. «Моя тайна»

Другого подтверждения, кроме Петрарки, как-то сейчас под рукой не оказалось, но считал ведь Петрарка, что любимое, т. е. очень сильно эмоционально подкрепленное, «внедряется в душу гораздо легче»... Вот так же у нас с Витей и с «Тихим Доном» было. Да только ли с Витей? И только ли с «Тихим Доном»?..

А любовь? Тоже ведь не сказать, чтоб она меня совсем уж не коснулась, не тронула, не задела своими крылами, не осияла своим Светом. Бывало... Задевала, касалась. И стишки пописывали, и песенки сочиняли... И не в муку, не в тягость сочинительство-то это бывало! Само изливалось. Не могло не изливаться, поскольку уж очень душеньку-то рас-

пирало...

По сусекам дневников и записных книжек

2 октября 1990 г. Москва. Человек — не сказать, чтоб смеялся, — его... распирало смехом. А еще вернее: распирало человека счастье. Может такое быть? Перло счастье из человека, нагло, неудержимо, не стыдясь и не совестясь окружающих... И человек-то был не молодой, давно привыкший держать себя в руках и давным-давно держание это ни за труд, ни за подвиг не почитавший, а тут вот... Да, наверно, и не заботился сдерживать-то себя — знал, что ненадолго это. Очень-очень ненадолго...

С-час-тье — сейчас, в этот вот миг, в сей час побудет — и все... Так оно всегда было, есть и будет. И этот миг не был и не станет исключением...

Преподавал у нас когда-то в Щукинском училище русскую литературу Павел Иванович Новицкий, так он считал, что стихи в определенные моменты жизни должен, обязан писать каждый нормальный человек, ну а поскольку я был вроде живым, нормальным, то и...

9 июля 1959 г. (22 года, каникулы перед последним 4-м курсом Щукинского; из «душевного штипора», в котором крутило и било меня в 19 лет в 1956-м, давно вышел, в душе и в делах относительный порядок, хотя... проблемы, конечно, были. Когда было, чтоб их не было?..)

Полтретьего утра. Первая ночь дома. Родной Новосибирск, Заельцовка... Не спится... Говорят, привычка к московскому времени...

За окном мирно и деловито уркотел трактор. На душе светло и спокойно-радостно: труд! созидание! Далекий милый Казахстан вспоминается... В темноте комнаты – частые синие электрические вспышки... За окном – только родненький трудяга трактор. Тишина...

И вдруг по всему небу глухое, темное, мрачное грохотание, все сильнее, сильней, с угрюмостью и упрямством убийцы... Глупая фантазия: атомная бомба? Разрушение, смерть...

И тут же яркий отблеск на потолке и – тррреск!.. Задорный! Озорной, мальчишеский какой-то... родной, природный, не искусственный, не рукотворный... Со здоровым, честным и открытым (не скрытным, не подспудным!) треском и скрежетом. И разгульный рубаха-парень гром открыто и широко раскатился во все края и стороны!.. Проказница-гроза творит свою веселую и благодатную работу. Посыпался, заплямкал и – вот уже полил с крыши обильный, полный дождь.

...Закурил махры, вышел на крыльцо... Темно. Один. А дождь хорош! Все наяривает и наяривает! Как плясун чечетку: вроде приутихнет, притомится, передохнет – и вдруг – сильнее! еще сильнее! еще!! Еще!!!.. Темно, один... Дома спят мои труженики. Им работать с утра. А то бы сам кинулся плясать вместе с дождем, да пришлось бы их потом беспокоить...

Вот так и жить – все прекрасно! И – никакой атомной бомбы. Это не тот «разгул»... Этого хулиганства допустить никак нельзя. Пусть водород в

*гелий превращается на Солнце, на то оно и Солнце...
А здесь – Земля, люди живут, и подобные безобразия
здесь абсолютно недопустимы. Ой... чтой-то, прям,
стихи из меня толкаются, просятся...*

Я сегодня ночью дома.
Только с поезда. Из Москвы.
То ль привычка к московскому времени
Гонит сон от моей головы?
То ли воздух родной, знакомый?
Шелест ветра, журчанье листвы...
Я не сплю, размышляю в темени...

Синий всплеск – знать, зарниц сиянье...
Мирно трактор урчит под окном.
Я не сплю, вспоминаю недавнее:
Казахстан, мостопоезд, Дон...
На душе и светло, и уверенно:
Созиданье и труд кругом!
Вдруг – угрюмо, глухо и медленно,
Как упрямый убийца – гром.
Может, это не гром? Может, бомба
Водородная?.. Давит всех,
Разрастаясь, рыча утробно,
Погребая под рыком смех?..
И сейчас же – новая вспышка
Ярко брызнула на потолке...
Бодро, весело, как мальчишка,
Первый отзвук отгарахтел —
И за ним – развернулся в ударе
И! – пошел ковылять-крушить
Гром – разгульный рубаха-парень

С широтою русской души!
Этот – свой! Прямой и открытый,
Добрый труженик-великан!..
Дождь пошел... Заплясал, запрыгал,
Все сильнее!. Как чечетку рвал!
Все сильнее, удалей, бесшабашней!..
Чуть вздохнет лишь – и шибче наддаст!
Полоскал и луга, и пашни...
И работал по-настоящему!
И работа как пляска неслась!
И тебе с ним плясать хотелось!
Жить, смеяться, работать, любить!..
Только вот с хулиганством дело
Надо с атомным прекратить.
Водород превращается в гелий
Пусть на Солнце, а тут – Земля:
Люди ходят, детишки бегают,—
Это здесь допустить нельзя!
Есть турбины, есть генераторы —
Расщепляй, извлекай, крути...
Совершенствуй хоть тот же трактор
Иль к Луне проложи пути,
Только помни, что ты – живущий.
И дала тебе жизнь – Земля.
И себе ее портить, а, पुще,
Всем другим – ну никак нельзя!

*Да... Уже пять. Трактор заливается... Наверно,
хорошо после дождя, сейчас пойду подышу. Стих
вот написал... Называется «Дружеское послание
(или – обращение) молодого новосибирского жителя*

поджигателям войны».

А душу можно ль рассказать?

М.Ю. Лермонтов. «Мцыри»

Судя по интонации, Лермонтов не очень твердо верит, что можно. И никто за прошедшие с тех пор более полутора сотен лет особенно не преуспел ни в возражении ему, ни в переубеждении его и нас, что таки можно...

Не знаю, можно ли, но – надо. Если что-то и надо рассказывать, так только душу. Да вся культура человеческая многовековая – что это, как не постоянная попытка «рассказать душу»? Вся культура. И духовная, и материальная. Кто их разделит, представит в очищенном виде? Они же переплетаются, взаимопроникают друг в друга. И обе – не для себя. Для общества, для людей. Для мира, для громады.

Только душой человечество и связано. Без нее – особи, индивидуумы. Как в животном мире. С ней – человечество, семья. Единство. И борьба вечная, но все равно – единство! И тот, кто постарался, помучился, пострадал для общей души человеческой, пытаясь понять ее, разобраться, для начала в своей собственной хотя бы, но, сознавая ее частью общей души человеческой, тот и остался в памяти людской. Чем более преуспел на сем поприще, тем более и памятен и чаще поминаем людьми. И Вы, Михаил Юрьевич, с вашими сомнениями «... можно ль рассказать» – в том числе.

Как-то в бумагах моего внука, тогда первоклассника, попался мне такой вот интересный документ: ДЛЯ НАС В СТАРАСЬТИ... Не могу взять на себя смелость менять авторскую орфографию и пунктуацию. Мне кажется, что редактура – всякая, даже в тех редких случаях, когда она не лезет в соавторство, даже саморедактура – все-таки калечит, уродует, а то и убивает живое тело вдохновенной авторской мысли. В этом и Пушкин со мной солидарен (или я с ним):

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю...
Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей...

И не только Пушкин. Был у нас еще такой критик А.В. Дружинин, который различал у Л.Н.Толстого(!) «безграмотность офицера, пишущего к товарищу и сидящего в каком-нибудь блиндаже» и «безграмотность нововводителя и сильного поэта»! Есть, стало быть, и такая. Есть!.. Ну это меня слегка занесло. От бумаг внука аж до Льва Толстого! Хотя, чем черт не шутит...

Еще народу русскому пределы не поставлены, Пред
ним широкий путь.

Н.А.Некрасов

«План», по крайней мере, у Федора уже есть! «Для нас в старасьти». Стало быть, и мне годится:

1. самое главное шtbody книга была на другие не похоже.

2. надо иметь терпеливость и знать што пишиш...

Ну и там еще 8 пунктов... Не все, безусловно, но что-то из этой программы мне вполне подходит. Бесспорно надо «знать што пишиш» и... тоже как-то возжелалось, чтобы моя книга была на другие «не похоже»... Действительно, что ж похожие-то одна на другую писать? Все-таки творчество, как-никак... Не конвейер, не поточная линия...

По сусекам дневников и записных книжек

1961 г., город Минск.

30 января (гостиница «Минск», во время съемок фильма «В трудный час», второй мой фильм после окончания училища, первый – «Последние залпы»), Съемки нынче нет. Проснулся в 10 утра – солнце било, прямо-таки лупило лучами в окно, звало на улицу, гулять – не встал... Проспал, провалялся до часу дня... В 3 вылез-таки на улицу размяться.

Солнце уже не «было»... Этакая милая предвесенняя четкость и чернота на улице: почерневший снег, крыши, стены домов... черный асфальт... мокрый... С крыши льет обильно, по-мартовски... Видно далеко.

Хотя дали еще не весенние, предвесенние: горизонт расширился, но еще не ясен, не прозрачен. В теплой предвесенней грязной дымке – впечатление все той же мягкой черноты.

А воробы ору-ут!.. Нахохлились, мерзнут, но –

орут! Нахально, дружно, сидя на ветках огромными компаниями. Настойчиво, неотвязно зовут весну! Которая, как бы дразня, оторвала их от обыденных зимних забот и напомнила о себе. Желанной, возжеленной, ожидаемой так страстно... Орут, как скотина перед обедом, которой напомнили о кормежке, но еще не несут.

Выбрался на какие-то захолустные улочки с деревянными домишками, голыми причудливыми тополями, ивами, с рыхлым, черным, хранящим все следы последних дней снегом. Небо и солнце закутаны в нежные, но не пропускающие лучей облачка, сквозь которые солнце улыбается еще робко и неуверенно, но уже ласково и с лукавинкой. Словно женищина... очаровательная, желанная, тайно любимая тобой женищина дарит тебе первую приветливую улыбку. Она еще не сказала и не думала говорить «да», еще неизвестно, скажет ли вообще, но – она тебя заметила! И впервые ласково, приветливо улыбнулась. И ты счастлив!

Счастлив до краев, счастлив сегодня, сейчас. Для тебя в этой улыбке и радость, и надежда, и обещание, разрешение верить в счастье, необъятное, полное щедро плещущее через край, разрешение верить и радоваться блестящему счастьем будущему...

Недолго оно, солнышко, улыбалось. Может, всего раз и улыбнулось-то...

И ему в ответ ослепительно улыбнулись санные полированные колес и вся золотисто-голубая от

этой улыбки, искрящаяся снегом, тихая, малоезженная, безлюдная улочка. Потом облака плотнее укутали солнце. Оно уже не улыбалось, или просто не стало видно его улыбки из-за облаков... И наступил холодный, немного грустный, обыденно-серый предвечерний час.

Нет выше наслаждения, чем созерцание природы. Земля ведь рай. И жизнь – тайна... Прекрасная тайна! Прославляйте жизнь.

А.К.Саврасов, художник, поэт русского пейзажа, автор щемяще пронзительных «Грачей» («Грачи прилетели»)

Мой дед занимался когда-то фотографией. Давно еще, на заре нашего ушедшего нынче XX века. В Сибири, в интеллигентном, университетском городе Томске. Любительски занимался, в порядке «хобби», но художественной фотографией. Кружок там у них был, или общество, или клуб – не знаю, да и спросить уже не у кого. Но что я запомнил из всего этого (возможно, по моей извечной привычке к систематизации, систематизированию), – усвоил от деда еще, что вся их фотография (художественная) разделялась на 3 вида: портрет, пейзаж и жанр. Дед был жанристом, хотя иногда что-то пробоовал и в пейзаже, и в портрете (все бабушку мою, жену свою любимую, – и в жанре ее же: то с курами, то за швейной машинкой, ей, правда, до звания «бабки» далеко тогда еще было).

Если мое «творчество», жизнь, душевные склонности, устремления, литературные упражнения, во всяком случае, подвергнуть вот такой же «систематизации»?..То я, как ни

странно, скорей всего...пейзажист?.. Вот тоже: актер и... пейзажист. А что делать? Так всю жизнь и маюсь. Ну, изредка отвлекусь или увлекусь жанром или портретом...

Ну еще маленько философией доморощенной, философствованием... В изобразительном искусстве философию ведь не изобразишь, она не визуальна, она – болтовня, любопытствие... Да и в актерстве философию в лоб не покажешь. А в литературе!.. В литературе со всем остальным сложнее: и с портретом, и с пейзажем, и с жанром, а с философией-то... Болтай – не хочу!.. Вот я и хочу.

Итак, выучили «на артиста», люблю пейзаж, а тянет... к философии. С тем и примите.

Но как же без любви?

Из моей жизни

1953 год, 3 января. (Возраст – неполных 16 лет, еще Сталин жив! 73-я мужская средняя школа Кировского района города Новосибирска. Города, в котором родился и прожил до 17-ти лет, до окончания школы. А это – 9-й еще класс, зимние каникулы, разговор с самим собой, начистоту.) Но я не сказал, что из всего этого можно сделать еще один вывод... Правда, самый неприятный для меня, но, пожалуй, самый верный: просто я – дурак, который видит в каждом пустяке то, чего вовсе нет, а что только хочется ему (т. е. мне, дураку) видеть...

Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России. Только раз в жизни мне пришлось выжить довольно долгий срок в благорастворенных заграничных местах, и я не упомяну минуты, в которую сердце мое не рвалось бы к России. Хорошо там, а у нас... положим, у нас хоть и не так хорошо, но, представьте себе, все-таки выходит, что у нас лучше. Лучше потому, что больней. Это совсем особенная логика. Но все-таки логика, и именно –

логика любви.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Жил-был на свете дурак Иван Иванович...

А.П. Чехов. «Шляпный сезон»

Весна 1991-го... Бурлит, пузырится и разливается «новое мышление». «Коммунизм» вроде еще у руля, но приумолк, растерялся, сказать нечего... До Августа, до триумфа «демократии» и позора всей страны еще далеко. Все как-то быстро и бойко «перестраиваются», а я – все никак... Не могу начать (или «начать»?) мыслить по-новому, все как-то по старинке... А тут уже 6-й съезд кинематографистов подоспел... А я на нем – делегатом(!)

Снялся я когда-то в роли Главного Инженера Проекта (ГИПа), который нашел какое-то экономически очень выгодное решение (полтора миллиона экономии, до «перестройки» еще, в твердой валюте 1981-го года, но проведение которого в жизнь почему-то жизнь всем осложняло и чуть ли не обижало всех: жену, организацию проектную, тетю Машу уборщицу – ну, всех: «Ну как же? Проект уже составлен, одобрен. Ожидается премия! Ну и что, что новый вариант даст 1,5 млн. экономии? Кому? Не нашей же проектной организации, а неведомо кому...» «Государству». «Так государству, а не нам, не нашей организации... А разработка нового проекта потребует нового финансирования, тыщ 10, не меньше, которые лягут на НАШУ организацию. А сэкономленных полутора миллионов нам никогда не видать! Из-за

чего же ты бьешься?!»

В общем выходило, что он, герой мой, – дурак. Положительный – но дурак. Он слабо оборонялся перед женой: «Я бы на твоём месте гордился, что у тебя муж – дурак... Не будет нас, дураков, – кто ж работать-то будет?» Он действительно был положительным, но почему-то оказывался один против всех. Он вроде был за всех, за всеобщее благо, но это всем как-то очень мешало. Без этого его «блага» всем получалось, может, и не так хорошо, но как-то привычней, спокойней...

К чему я об этом? А к тому, что сам себя сегодня ощущаю чем-то вроде того своего героя. Вроде дурака... Хотя и с самыми благими, да вроде бы не такими уж и глупыми (с моей точки зрения) намерениями.

Съезд наш зарылся куда-то в дебри процедурных проблем, а какие тут процедуры, когда вообще неизвестно, ЧТО строить и ЗАЧЕМ строить. Отрицание – оно все-таки проще и скорее объединяет людей (V съезд кинематографистов, к примеру): всем что-то мешало жить и развиваться – ну, собрались вместе да и убрали, снесли, своротили с дороги эту всеобщую преграду. А вот строить – тут каждому хочется свое: тому с рюшечками, этому с завитушечками, третьему еще что-то, четвертому – двадцать пятое... Поди тут, договорись. Ну, основное направление (у нас, в кино) вроде вырисовывается, нащупывается. Ну очевидно же, что настрадался советский народ за предыдущие 70 пуританских кино-

лет без лицемерия голых задниц (и передниц тоже, обоего пола). Мы-то, глупые, в пионерах пели: «Отцы о свободе и счастье мечтали...», чтоб достичь свободы и счастья, сами себя призывали: «Работай, учись и живи для народа...» А тут как все просто-то оказалось: заголил, показал у кого что есть – тут тебе и свобода! тут и счастье! На кой черт еще мучиться – работать да учиться?... Жрать, правда, нечего стало, ну это – «коммунисты виноваты», пусть сами и выправляют положение, а мы... «Мы ждем перемен!» Ждем!!!

Не знаю, как там у нас в сфере материального производства с рыночными отношениями, но в кино, по-моему, давно и прочно воцарился рынок. Причем, самый черный.

А мне почему-то, возможно, по причине моего сталинского еще пионерского и комсомольского воспитания, все так же упорно, как тогда, в детстве и отрочестве, кажется, что главная задача искусства – просветительская. Не потребительская. Потребительское – вот это для рынка. И оно бывает очень высококачественным, даже высокохудожественным, для любителей самого изысканнейшего, «интеллектуального кайфа».

У нас почему-то считается чуть ли не бесспорным и само собой разумеющимся, что получать кайф от саксофона – извлекаемых из него звуков – гораздо интеллигентней и благородней, чем получать кайф на продащице гастронома? Это, конечно, «Такси-блюз», самые свежие, самые последние эстетические впечатления, прямо со съездовского экра-

на... Но ведь кайф – это же для потребления. Для самоудовлетворения. Не для жизни – взращивания ее, защиты, воспитания, поступательного ее движения. А я где-то краем уха слышал (вроде В.М.Песков по ТВ, может, сам сказал, может, цитировал кого), что уважение к жизни – вот универсальная этика (!). И очень я с этой формулировкой, согласен. Да ведь, помнится, нас когда-то призывали (давно, правда, в прошлых веках) «сеять разумное, доброе, вечное»... или хотя бы «чувства добрые... пробуждать»... и вроде глупостью это не считалось. Собственно я-то (когда-то, смолоду) стремился в эту область человеческой деятельности (в искусство, в артисты) только ради этого – «сеять разумное, доброе, вечное» и «чувства добрые... пробуждать», а никак не ради того, чтобы демонстрировать (с экрана ли, со сцены) способы выпускания кишок или сексуального общения (с покойниками ли, на подоконнике ли), чем сейчас так решительно и углубленно занялась наша рыночная кинематография.

Ну а НЕ рыночная? Осталась же еще такая? Осталась... Но ее дела и свершения (для меня, в моем восприятии) несколько не отрадней, чем дела рыночной. Тут – полная растерянность, недоумение, ничегонепонимание и, естественно, ничегонеделание. Даже такая, казавшаяся очевидной и вроде бы сама собой разумеющейся вещь: не было у нас всезапляющего изобилия шедевров, потому что «давили» сверху: система, начальство, тоталитаризм. И все-таки были шедевры! Немного, не каждый день, но – были! Прорывались и

Тарковский, и Иоселиани, и Шукшин... И другие прорывались. И кино было! А сегодня? Никто не давит, не душит, не «учит», не «притесняет», не руководит, а где шедевры? При застое и давеже сверху – были, а при свободе – где?

По поводу шедевров, о создании которых мы так бурно печемся и об отсутствии которых столь искренне и горько сетуем, когда-то очень мило выразился Анатолий Франс: «Для того чтобы создать шедевр, нужна истинная гениальность и вовсе не обязательно заранее принятое решение». Гениальность, конечно, штука неплохая, но ведь известно, что даже люди, ею бесспорно наделенные, шедевры создавали не каждый день, а все-таки от случая к случаю. Стало быть, кроме гениальности, или хотя бы таланта, еще что-то бывало необходимо... Еще что-то бывало побудительной причиной! Что? Случай? Стимул? Толчок какой-то?.. Реакция на что-то?.. Может быть, мысль, идея? Мне почему-то кажется, что все-таки— мысль... Счастливая находка мысли... Не суррогата мысли, не болтовни, не пустых словес, не видимости, а мысли, осмысления. Да и вообще мысль, как мне кажется, всегда лежит в основе всякого разумного человеческого созидательного деяния. И сегодня, если мы хотим какого-то созидания, а не разрушения, не развала, не анархии, не крови, не победы идиотизма и безответственности (это еще 1991-й, до августа еще!), сегодня мы должны, наверно, прежде всего осознать самих себя: кто мы, что мы, откуда, из каких корней – или совсем без корней? – осознать себя в истории. Не

в выдуманной. Не в проклятой. Не в «осужденной» (или поощренной...). Мне кажется, историю нельзя ни проклинать, ни осуждать, ни поощрять, ее можно – и нужно! – только изучать. И – делать из нее выводы. Восхваление своей истории тоже ни к чему хорошему не приводит. Ну в этом-то мы вроде уже убедились... А осуждение и проклинание ее несколько не менее пагубно. Если не более.

Отечественная история наша никогда не была простой. Она еще П.Я. Чаадаева доводила до истерики: «Опыт веков для нас (имеется в виду Россия. – Ю.Н.) не существует... общий закон человечества не для нас». «Мы ничего не дали миру», «ничего не взяли у него». «В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу», «...мы жили, мы живем, как великий урок для отдаленных потомков...». «Ныне же мы... составляем пробел в нравственном миропорядке», вариант: «...в порядке разума» (П.Я. Чаадаев, из первого «Философского письма» и его вариантов). А за ним и Л.Д. Троцкий: «Россия приговорена своей природой на долгую отсталость», она «являлась лишь поверхностной имитацией высших Западных моделей и ничего не внесла в сокровищницу человечества». Ну уж Вам-то, Лев Давидович, грешно так клеветать: «ничего не внесла». Это Чаадаев еще не мог знать, а уж Вы-то не могли не знать и о Менделееве, и о Достоевском, и о Чайковском и о многих-многих других «внесениях» России в «сокровищницу человечества».

Если Чаадаев имел еще какие-то основания так сетовать и сокрушаться по поводу наших несовершенств – XIX век, наш блестящий, фантастический, изумивший и обогативший мир, был еще впереди, – а уж нам-то... с Л.Д. Троцким вместе. Поль Валери вон заявлял, что ему в истории мировой культуры известно только три чуда, три случая ее массового взлета: это Античность (Др. Греция и Рим, 7–8 веков, от V–IV до н. э. до 4-го нашей), это Европейский Ренессанс (3–4 века) и это русский XIX век (!!!). Ну и XX немного зацепили всякими Рахманиновыми, Станиславскими, Вавиловыми... «Ничего не внесла...» Сегодня мы все, кажется, в массовой истерике от нашей истории. Но почему же сегодня мы, пытаясь найти какую-то опору в прошлом, опираемся на истерику Чаадаева? Забывая Пушкина, его мудрость, мужество и верность России и ее истории. Вовсе не слепую верность, зрячую, знающую все грехи и минусы нашей российской истории – и, тем не менее, – верность! Кстати, недавно так дружно «реабилитированный» у нас Тарковский в самой трудной, самой, можно сказать, героической своей картине «Зеркало», умудрившейся дойти до экрана в самой дремучей, непролазной глуши застоя, на 10–15 лет раньше «Покаяния», делавшегося тоже еще в застое, но выходом на экран в немалой степени обязанного перестройке... Так Тарковский в том далеком и невообразимо трудном «Зеркале», в своих неподъемно трудных размышлениях о судьбах России опирается не на Чаадаева, а на ответ ему Пушкина... «Что же

касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться, – возражает Чаадаеву Пушкин, – клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Вообще с Пушкиным тяжело: зацепишь его – и невозможно оторваться! Как будто вот он, рядом, только что про наш сегодняшний день сказал, в крайнем случае, про вчерашний: «...нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние...»

Давно сказано? Не вчера?.. А уж про завтрашний-то день – точно! – найдете у него соображения лучше и умнее всех, кто у нас сегодня об этом (о завтрашнем дне) размышляет и пишет...¹

Вот так вот «трудно» с ним... Но это ж и прекрасно!! Что он есть у нас! Навсегда с нами! Никуда никогда от нас не денется! (пока мы живы на этой земле...).

Вся «концепция» нашей сегодняшней исторической истории (или истерической историчности?) замечательно, на мой взгляд, и вполне законченно выражена в тяжелом, честном,

¹ В Англии, я слышал, к 200-летию А.С. Пушкина кто-то полистал его да и изумился: «Послушайте! У вас же Пушкин еще в начале XIX в. говорил о ваших сегодняшних проблемах умнее всех ваших нынешних политиков!»

может, даже героическом, во всяком случае, смелом до самоотверженности, до безрассудства... фильме «Так жить нельзя», завершившем 1-й день съезда... Конечно же нельзя! Кто ж спорит? Но вот в чем безрассудство, на мой не бесспорный взгляд, в чем безрассудство этой бесспорно честной и мужественной картины? Да вот в такой стройной концепции фильма. По фильму получается совершенно однозначно, что весь этот ужас, до которого мы докатились, вся эта нищета (и материальная, и духовная), темнота и преступность зачаты, вдохновлены и организованы... В.И. Лениным. В фильме, правда, всего один, но зато весомый «завет Ильича»: «расстреливать детей» (?). И иллюстрация в фильме: расстрелянная царская семья, фотографии самого государя и его расстрелянных детей. Я, правда, где-то слышал, что вроде бы не Ленин «первый начал», было там что-то и 9 января 1905 года... И расстрелянных там было не меньше. И Его Величество Государя Императора Николая Александровича в народе «Кровавым» величали. И расстреляли царскую семью не по приказу Ленина, вопреки ему, по частной инициативе Екатеринбургского губкома. На контрреволюцию гораздо действеннее работал не живой, подверженный влияниям, непостоянный, давно отрекшийся от престола император, а убиенный – почему от Ленина был послан специально комиссар охранять царскую семью. Но Екатеринбургский губком объявил ленинского комиссара «врагом революции», и семью самовольно расстреляли. Была там жуткая, кровавая

драка, неразбериха, именуемая во все века и у всех народов «революцией» (слово, кстати, тоже не Лениным и не большевиками выдуманное), а уж никак не одностороннее дьявольское преступление В.И. Ленина против совести и человечности, с запрограммированным на последующие 70, а то и больше лет планомерным уничтожением нации, страны, России.

О Господи!.., хоть я в Тебя не верю (имею я право на свободу совести?). Как же мы любим обвинять! Все и вся. Кроме себя. Ну чисто «по-сталински»: не разобравшись и безжалостно. Теперь добрались до Маркса с Лениным... Покойный Толя Солоницын, помнится, слышать не мог имени Станиславского... Даром, что на Станиславского весь просвещенный Запад молится. И не только актерский. Да и к Марксу с Лениным там не столь категоричны. Не Станиславский виноват, а свора неумных и неумных его «ревнителей», «проводителей в жизнь» его гениальной системы. Господи, господи!.. Какие ж мы замечательные учителя! Учители!.. Не помните чеховский еще рассказ, как учитель гимназии, у которого мыши погрызли какой-то фолиант, учил котенка их ловить? Выучил!.. Кот, ставши взрослым, завидя мышь, взлетал на дерево, забор ли проворней, чем от собаки! Рассказ, кажется, называется традиционным русским названием «Кто виноват?»...

К истории нашей не столь безжалостны и категоричны были и М.А. Булгаков (и «Белая гвардия», и «Дни Турбиных»,

и «Бег»), даже Б.В. Савинков! А уж у них-то, казалось бы, куда больше должно было быть поводов ненавидеть большевиков!.. А вот, поди ж ты, признавали! А вот наследники...

А как они все любили ее, Россию! И Пушкин, и Булгаков, и Савинков... И даже Чаадаев!

А Блок? А?... Да кого ни возьми!.. А в общем-то, кто любил, тот в памяти ее и остался, те и дороги, и необходимы нам. А без любви?... Я этого не понимаю, это не по моим слабым мозгам...

А Максимилиан Волошин?
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца— Русь!..
И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

Коктебель, 12 января 1922 г.

И это — «смятение русского интеллигента», «стремление остаться над схваткой», как до сих пор объясняет наша мудрая и принципиальная критика?..

Волошин не отрекался, мы — отрекаемся. Савинков при-

знал, мы – не признаем. Булгаков, не скрывая своего невосторженного отношения к революции, тем не менее, не стеснялся самому «Хозяину» заявлять: «Долго думал и все же пришел к решению, что русскому писателю негоже жить вне России». Но нам все эти мучительные, трагические поиски, все эти мужественные решения, – нам все это не указ. Мы – поумнели! Враз! Как не раз уже «умнели» в нашей истории...

Сегодня все мы дружно и бескомпромиссно осудили все вчерашнее. И себя вчерашних, в том числе. Правда, не особенно делая на этом упор, на себе-то. На то, что брежневский застой вершился при нашем непосредственном участии: «с чувством глубокого удовлетворения», при всенародной поддержке и просто нашими руками! Так же, как в свое время и хрущевского времени идиотизм, а до того – и сталинские репрессии. Все делалось с нашего согласия. Или – с безмолвного попуска, а чаще дак и со всенародного одобрения – я помню, как на одном собрании в одном учреждении рабочие и служащие единодушно приветствовали ввод войск в Чехословакию, да еще подбадривали из зала: «Давно пора!» Но об этом мы сегодня вспоминать как-то не любим, не хотим, нам слаще винить кого-то: «А что я мог сделать? Это все большевики (или коммунисты)...

Но это же холуйская позиция – обвинять во всем правителей: «Ах! Нас не так вели!.. Не туда завели. Генофонд наш уничтожили, интеллигенцию нашу, которая бы нас вела туда

и так...»

А нам бы, если б мы были не холоуями, не рабами, не «винтиками» – добровольными, – нам бы не позволять! Себя не туда вести. Генофонд свой уничтожать. Где ж мыто были, которые в восторге писали корявыми, заскорузлыми пальцами на грифельных досках: «Мы – не рабы! Рабы – не мы!...»?

Рабы! Причем, добровольные. Как Пушкин про французов времен их первой революции (от имени А. Шенье, казненного революцией) писал: «Мы свергнули царей. Убийцу с палачами избрали мы в цари». Сами избрали и мы тоже, свергнувши царей-то, так что... неча виноватых искать, неча на зеркало пенять, коли рожа... Кто мне мешал, какие «враги», недоброхоты, русофобы, что я собственного сына до тридцати лет не могу убедить, что ученье – свет, а неученье – тьма, пропасть, тупик, бездна?! Только жена с тещей, которые взлелеяли в нем лень мою генофондную...

От всего цивилизованного мира мы сегодня именно в этом отстали: в образовании, в просвещении. Давным-давно всем известно, что наш средний инженер раз в 15 (если не больше!) тупее, ленивее, неспособнее западного, японского, южно-корейского... Я говорю только о средних. Вон у меня недолгое время зять был, который в графе «образование» писал: «вышшее»!! Через два «ша»!! А ведь этих средних с «выпилим» образованием у нас большинство. Поди-ка не ошибусь, если скажу: подавляющее! Средних инженеров, средних врачей, педагогов, актеров, режиссеров... Несред-

них всех давно «доброжелательный» цивилизованный Запад (только вот кому он добра желает? Нам ли?) – давно перема-
нил и приголубил. Сейчас остаточки подчищают, подбира-
ют... Ведь Тарковский у нас был не правило, а исключение.
То-то мы его и выпнули из своих монолитных рядов. Рабо-
тать ему не дали. То же самое с Солженицыным... То же са-
мое с Сахаровым...²

...Слезы крокодиловы лить после допущенного – нами
же! – преступления – это мы можем! Обожаем призывать к
покаянию!.. Да хоть мы с утра до ночи будем каяться всей
страной, а не будем вовремя угадывать, поддерживать и спа-
сать наших светочей, нашу гордость – ну так и будем до скон-
чания века позволять наглým дуракам и неучам возвышать-
ся над нами, править нами, будем их и под ними терпеть («с
чувством глубокого удовлетворения»), а после их смерти,
когда они заведут нас в новую бездну, будем их беззаветно
смело и безжалостно, беспощадно критиковать, непримири-

² Все это вовсе не значит, что Солженицын с Сахаровым представляются мне
безгрешными и всеправедными апостолами и пророками. Александр Исаич – за-
мечательный писатель (меня особенно впечатлил «Случай на станции Кречетов-
ка», но его озверелый, оголтелый антикоммунизм, извините, работает на про-
грамму... А.У Даллеса: чтобы произошла «трагедия гибели самого непокорного
на земле народа», «мы будем вырывать духовные корни большевизма, опошлять
и уничтожать основы народной нравственности»(!). А Андрей Дмитриевич – ге-
ниальный физик и очень примитивный, заБОННЕРизованный политик. Разго-
вор не о них, а о нас, о нашей потрясающей способности моментально переходить
без каких-либо усилий, сомнений, робких возражений совести от восторгов
и воспеваний к возмущениям и проклятиям и – наоборот.

мо осуждать и опять лить крокодиловы слезы и рабски, холуйски сокрушаться: ах, опять нас не туда завели!.. Опять система виновата!.. Мы – такие хорошие, славные, и все-то мы понимаем и так искренне каемся, но вот с системой нам постоянно и как-то даже фатально не везет...

Мы сегодня все дружно и, не взирая ни на какие «плюрализмы», довольно-таки единодушно решили: виновата система! Ну и естественный вывод и выход: взорвать ее! Впервой что ли? Ведь это же так очевидно. Были, правда, встречались в истории и на эту тему инакомысля, ну это где-то далеко, не у нас. Да и задолго до сегодняшнего нашего массового просветления. Ну, подумаешь, ну, высказывался там какой-то Ромен Роллан: «Я обвиняю не систему, а Человека...» Да кто он такой, этот Ромен Роллан?! Да еще, как сегодня всем нам стало ясно и очевидно, навек опорочивший себя своим любопытством и симпатией к социализму, восторгами по отношению к И.В. Сталину, дружбой, перепиской и совместным фотографированием с бесспорным, как тоже сегодня мы выяснили, врагом русской культуры и прогресса А.М. Горьким...

Трудно. Тяжко, неудобно да и страшно в таком безнадежном одиночестве сегодня. В сегодняшнем просветленном и враз поумневшем мире.

Пусть мы – нация преступников и баранов, которых хитрый ли, жестокий ли преступник может, если захочет, завести куда угодно, в любую пропасть, и мы пойдем. Пусть так.

Пусть все наши 70 советских лет – сплошной мрак, ужас и преступления. (Непонятно, правда, как из этих «баранов» Вавиловы, Ахматовы, Тарковские иногда получались...) Ну ладно, пусть. Пусть так. Это не народ и не страна (в цивилизованном понимании). «Это не цивилизация и даже не нация, это – ад»,³ – как прочел я недавно в одном сценарии, который со дня на день станет фильмом и выйдет на отечественные – а может, и международные – экраны просвещать (?), воспитывать (?), радовать (?), ублажать (?) зрителя. Пускай даже все так. Но мы же вышли из этой страны! Или все приехали? Все 280 млн.? Все приехали из чистых, культурных, цивилизованных стран, приехали – и ужаснулись? Мы же вышли из нее! И в том ужасе, бардаке и помойке, каковые являет сегодня наша страна, неужели нашего (лично каждого из нас) вклада ни грамма? Все только «бязки-коммуняки» виноваты? А мы тут ни при чем?

Представляется мне на эту тему еще такая картинка (артист, все-таки, стало быть, мыслю не столько понятиями, сколько образами). Жила-была женщина. Падшая. Мразь, пьянь, потаскуха, воровка, ничтожество, слякоть (по нынешним временам вроде бы такое нетрудно себе представить). И вот. Как-то. Случайно? Невзначай? Аборт не успела сделать? Не успела убить. Выродила. Ребенка. Случайно. Может

³ Автор этого «прозрения» и «нового мышления» когда-то начинал с просоветских пронзительно-душевных «пионерских» фильмов, но с раскаянием как-то не спешит, просто вмиг «перестроился» – и все. А про личный могучий вклад в тот «ад», в ту «цивилизацию» – молчок.

такое произойти? Представим. А выродивши – вдруг пожалела рожденное-то. (Это уже сложнее сегодня представить, но, говорят, бывало. Раньше. Редко, но случалось.) И вот вырастила она его. Выкормила. Подняла. И даже воспитала! На все свои несправедливо добытые средства (проституция, воровство и пр.). Воспитала! В хорошем каком-то заведении. Это тоже трудно сегодня представить, но – представим. Так вот. Вырастила, подняла, воспитала. А оно (дите-то) выросло, поднялось, ума набралось, образовалось, оделось почище (на мамины несправедливые средства!) да ее же, маму, этак модным, лакированным каким-нибудь сапогом (на ее же несправедливые денежки купленным!), ее же, маму, и в харю: «Пошла, мол, вон, грязь, мразь! Не смей меня пачкать!» Возможная картинка? Достоверная? А мы, сегодняшние, поумневшие, не напоминаем такое вот дите? Не из нашей ли истории, какой бы страшной, грешной и грязной она ни была, мы взялись и выросли? Нам ли ее пинать и топтать?

Екатерина Романовна Дашкова (Екатерина Малая, подруга и наперсница юности Екатерины Великой, первый Президент Российской академии наук) завещала нам, дуракам: «Свобода без просвещения породила бы только анархию и беспорядок». Помним мы заветы не последних умов наших? Вникаем в них? У Шекспира Гамлет трагически сетовал, что порвалась (или «распалась») связь времен! А мы «в детской резвости» сами ее рвем, не предвидя от сего никаких последствий...

Сцепились как-то (по ТВ) с виду очень интеллигентные депутаты, но в очень неинтеллигентной (чтоб не сказать хамской), базарной форме по поводу и против нашей армии, особенно против ее мечты и вожделения о «сильной руке».

А потом встала тетенька, седая, пожилая, и напомнила, освежила в памяти, что, мол, в том, что мы полвека живем в мире, заслуга, между прочим, нашей армии... (А кстати, и правительства, правительств, бывших все эти годы, подумал я про себя.) Ну, действительно, не исключительно же только «репрессиями» или «застоем» занимались наши прежние правительства? Ну были, конечно, ошибки, страшные, жуткие, но не из одних же только ошибок состояла деятельность прошлых наших правительств? Или только ошибки, вредительство и – больше ничего?

Отстояв когда-то право оставаться самостоятельной державой, право самостоятельно развиваться, не служить необъятной базой, кладезем ресурсов, рабсилы, не быть грабимой, разоряемой колонией, каковой «цивилизованный» мир пытался нас когда-то, на рубеже XIX–XX веков сделать, – мы развиваться не стали, уперлись, как в новый плетень, – в «оборону» (тоже не без помощи и, так сказать, «моральной поддержки» наших нежных сегодня друзей из-за океана...). А сегодня еще добровольно и слезно просимся: сделайте из нас колонию! Заберите наши ресурсы! Все заберите, только дайте нам фирменные шмотки, «Мальборо», «Панасоники», «Тойоты»...

Да-а... «Вынесет все... И широкую, ясную грудью дорогу
проложит себе....

А может они правда ненормальные были, классики-то
наши? С их любовью к этому народу, с их неумной ве-
рой в него?... Достоевский – с его народом-«богоносцем»...
Несем!.. Только ЧТО? И куда? И кому? Один Пушкин по-
трезвее был: «лет чрез 500», полагал он, начнет у нас что-
нибудь меняться в сторону цивилизованности нашего обще-
ства. По крайней мере, в первых двухстах годах он не ошиб-
ся.

О российской «привычке» и благоволении к «новым эрам
в своей жизни», о наклонности «начинать новую жизнь с вос-
ходом солнца, забывая, что вчерашний день не потонул под
неизбежной тенью», что мы вышли из него, из вчерашнего
дня, он в нас и никуда нам от него не деться – об этом со-
крушался еще В.О. Ключевский, выдающийся наш историк,
почетный академик Петербургской Академии наук. И очень
точный диагноз ставил: это от «пренебрежения к историче-
ской закономерности», от «недостатка исторического мыш-
ления» (мышления? – мышления? В произношении-то запу-
тались – где уж нам мыслить?..). А умер Василий Осипович
в 1911 году, задолго еще до «воцарения» коммунистов, а бе-
ды и ошибки в России были все те же, в каких мы сегодня
обвиняем коммунистов и какие сами тупо и настырно вслед
за ними, за коммунистами, повторяем.

Замечательно сформулировал одну из самых главных и

все тормозящих сегодня наших ошибок – если не самую главную! – делегат какого-то съезда? сессии?., вроде из Магадана, а может, из Челябинска... «Беда наша и топтание в тупике оттого, что мы занимаемся *не анализированием причин, а поиском виноватых*». Абсолютно солидарен! Именно!

И потом – это же чистейший «сталинизм» – поиск-то виноватых. «Сталинизм», который замечательно и безущербно жив по сей день! Не потому ли мы сегодня все никак не можем успокоиться по поводу обвинений сталинизма, что он благополучно жив, не ушел ни в какое прошлое? Он – в нас! Со всеми своими очаровательными чертами и качествами: предвзятостью, некомпетентностью, нежеланием анализировать причины и остервенелым неустанным поиском виноватых! Ну, разве что чуть понежнее того, изначального, давшего имя термину: мы все-таки хоть и ищем виноватых, но еще и сомневаемся (уже *сомневаемся*, уже прогресс!). Да еще искать-то ищем, но, не дай Бог, найдем, еще ведь неизвестно, что с ними делать, с найденными-то. Маленький нюанс, но все-таки... Тот, давешний наш, сталинизм не сомневался. И называл не «виноватыми», а определеннее: «врагами». И что делать – знал.

«Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви». Опять А.С. Пушкин.

Как же все-таки одиноко и неудобно одному! Я с детства (упорно и принципиально, как мне кажется) остаюсь атеистом. А ведь сегодня все дружно бросились в религию!

(Опять как бараны?) Когда-то так же дружно в «коммунизм» бросались, «сбрасывали Пушкина с корабля современности», Рафаэля с Растрелли «расстреливали»... Сегодня все качнулись к Богу, резко «поверили в Бога». Ладно. Но ведь религия недвусмысленно говорила: «Всякая власть от Бога!» Стало быть, священна? Всякая! Стало быть, и ленинская, и сталинская, и хрущевская, и брежневская? Что же мы тогда сегодня их всех порицаем? По-божески ли это? Скорей по-«коммунистически», точнее, по-«коммунячьи». Сплошные вопросы, неувязки, неясности... И опять Пушкин нам перечит, возражает: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим».

Ладно, с Лениным и его заветами мы разделились. А с этим как быть: «Новый Завет», «Первое послание к коринфянам св. Апостола Павла»: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а *любви* не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви: то я ничто... Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и

знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»! С этим как быть? Мне нравится этот завет. Кем бы ни были вдохновлены слова сии. (Мне-то, как атеисту, конечно, представляется, что Человеком, не Богом.) А верности ему нынешних, «боголюбивых», «Богу верных» я не вижу. Не вижу! Мне смолodu еще мыслилось, что талант в человеке – это умение и любовь. Причем любовь, пожалуй, еще и больше. Но одно без другого в таланте не живет. И все равно: любовь – больше! Без умения таланта не бывает, а без любви – вообще человека. Даже если с умением, но без любви – это не человек.

Не знаю, как там у меня насчет умения, но вот любовь была... Была любовь! Да вроде и по сей день еще не выветрилась. К жизни, к земле своей, к истории нашей, многотрудной, тяжелой, часто неутешительной, может еще чаще невыносимой. Но как же без любви-то? Разве можно? Без милосердия? Не христианского (атеист же), человеческого?!

Как же хочется порой, в печальном одиночестве, среди сегодняшнего прозревшего, поумневшего мира, в его жестокom милосердии ко всему своему прошлому, – как же хочется прямо по Маяковскому (хоть и не очень-то мной любимому): «Оглушить бы вас трехпалым свистом! В бабушку и в бога-душу...»

И некому нам сказать, как сказал когда-то Тарас Бульба сыну своему Андрию: «Так продать? Продать веру? Продать своих? Стой же, слезай с коня!» Несемся... Куда?.. Не даем

ответа... Ни кому-нибудь, ни самим себе... Так Андрей-то «продавал веру и своих» хоть ради прекрасной полячки, а мы-то ради чего? Ради «Мальборо» и датского или шведского пива в жестянке?..

«Но, Бог с ним, с миром («общество» так когда-то называли на Руси, «всех»). Бог с ним, с миром, – говорит сам себе атеист. Будем скромнее. По возможности, интеллигентнее. Закончим тихо. По любимому (уже без оговорок!) С.А. Есенину:

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнут ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким Русь.

Ну, это Есенин собирался воспевать – и воспевал! Да как!
А мое дело хотя бы тихо любить. А вы, умные, как хотите...
За сим: Аминь.

По сусекам дневников и записных книжек

«Как замечательно приезжать на каникулы, когда наскучаешься в городе и надоест он до отвращения! Тогда окунаешься в дорогу домой, словно в чистые, прохладные волны, смывающие серость, пыль, пот ежедневной привычности – и дома выплываешь из этих вод свежей и чуткой ко всему в мире, с промытыми глазами и мыслями».

Т. Поликарпова, из рассказа «Почему Сережу называли Сережей».

Если пейзаж в дороге для вас не последнее дело, то, едучи из России в Сибирь, вы проскучаете от Урала вплоть до самого Енисея. Холодная равнина, кривые березки, лужицы, кое-где озера, снег в мае, да пустынные, унылые берега притоков Оби – вот и все, что удастся памяти сохранить от первых двух тысяч верст.

А.П. Чехов. «Из Сибири», 1890 г.

Это про мою родину. Причем не клевета, а истинная правда.

24 декабря 1971 г. («Земную жизнь пройдя до половины», на 35-м году жизни). Новосибирск (приехали снимать «Горячий снег». Сценарий хороший был, но 12-й год «воевать» на экране надоело, только ради Новосибирска и согласился), гостиница «Центральная», 14 час. 45 мин. За окном – солнце! Сибирь, зима, та самая, что в самый разгар наших съемок взыграет до -47° , одна или две лошади не выдержали, пали,

режиссер обморозился. Старые рамы, кремовые занавески, солнце просвечивает сквозь них... Чем все это отличается от солнца и зимы, и кремовых занавесок во всех других местах планеты? От Праги до Мукачева, от Москвы, от Саранска – чем? Но почему же именно здесь мне так хорошо?

Чем-то изначальным моим, младенческим, еще довоенным веет на меня от всего этого. Умирать бы сюда приехать... Не чтоб похоронили здесь, нет – какая разница, где лежать? А вот перед смертью бы! Чтоб последний вздох был этим воздухом, последний свет в глазах от этого солнца!.. Приплыть, приползти бы угрю-рыбе к родным истокам и протокам, долететь бы гусю-журавлю до родимых гнездовий..

Чем все это отличается от других мест на земле – не знаю, не объясню, не расскажу, но узнал же я в Кругликове Новосибирскую область по запаху! Сразу узнал, отличил от Томской.

И нигде мне так хорошо и умиротворенно не бывает, как здесь, дома.

Помереть бы здесь... Зимой, летом, весной, осенью – но только здесь.

Удружите, а? – кто будет провожать и обряжать в последний... вернее, предпоследний путь: последний – это уже на кладбище, а в предпоследний – умирать. Хоть обманите, что за билетом на Новосибирск поехали...».

Путешествие из Москвы в Заельцовку⁴

О колыбель моих первоначальных дней!..

Г.Р. Державин. «Арфа»

*Я люблю родину.
Я очень люблю родину!*

С.А. Есенин. «Исповедь хулигана».

– Граждане пассажиры! Через 40 минут наш самолет произведет посадку в Толмачевском аэропорту города Новосибирска. Температура воздуха в Толмачеве – двадцать семь градусов. Просим пристегнуть привязные ремни и воздержаться от курения.

По привычке я бросаюсь к левому борту – ничего не видно. Справа – тоже темно. Я вдавливаюсь лбом и ухом в иллюминатор, надеясь хоть где-нибудь, может отвесно под брюхом, может, далеко за хвостом или прямо по курсу самолета, отыскать, заметить хоть след электрического зарева, хоть какой-нибудь признак близости ночного города. Ни-че-го. Ровная синяя темень. Нигде ни фонаря, ни слабого отсвета на

⁴ В Заельцовском районе города Новосибирска я родился.

снегу от горящего окошка. Глухая зимняя ночь. И – степь, наверно?.. Где же город? Далеко впереди мелькнула одинокая, красными огоньками обведенная полоска – аэродром?.. Значит, никакого города уже не будет? Значит, садимся мы не как всегда, делая предпосадочный вираж над городом и возвращаясь на аэродром с востока, со стороны города, – а прямо с запада? Значит, так. С городом я не поздоровался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.